

Старый еврей Фурман – потомок многих поколений торговых работников, и такой же старый дезертир из рабочего сословия – Степан Петрович Кочегаров – работали в небольшом рыбном магазинчике «Морское дно». Магазинчик был подвальным, с двенадцатью ступенями вниз, и являл собой отчасти даже цех. Дело в том, что с незапамятных времен сюда рыбу привозили сырой, и продавцы сами её солили перед продажей. Эта уютная работа очень нравилась покупателям, и у «Морского дна» сложился свой постоянный круг посетителей, знавших и Фурмана, и Петровича, словно бы членов своей семьи, да с незапамятных времен...

Фурман и Петрович всегда бранились и спорили. Это был бесконечный спор о методике засолки рыбы, начатый чуть ли не при Сталине ещё и, словно вбивающая река, протекавший мимо болотистых берегов истории из эпохи в эпоху. Фурман считал себя потомственным лавочником, и его очень бесило, что Петрович – «без году неделя в торговле» (причем эта неделя за сорок лет совместной работы так и не выросла до месяца) – пытался солить рыбу по промашленным брошюрам пищевого РСФСР. Много ли он, человек из рабочей семьи, единственный в роду не ставший пролетарием, – понимает в торговле?

Петровича бесило прямо противоположное. Он полагал с юных лет, что народ и партия приста-

Александр ЛЕОНИДОВ

Молчание рыб

Рассказ

вили его к жулику Фурману, дабы тот не нарушал технологии рыбного посола. Бесконечно и беспочвенно Петрович ловил Фурмана за руку по то раз на дно. Ловил – и отпускал, ловил – и отпускал... Потому что нарушения, сказать по правде, были ничтожными, ни к чему не обязывавшими карательные органы...

Пережившие весь XX век вместе – и во вражде, Фурман и Петрович солили из года в год и прозаичную воблу, и деликатесного сазана, и экзотического сибиряка-жереха, и леща к пивку, и лияна – когда повезет, и краснопёрку – когда совсем уж нечего делать...

Солили они сухим способом, натирая рыбу солью. Натурали, и кто-нибудь обязательно начал диспут на тему правды и неправды в «посольском» деле... Пусть эти длинные диалоги слушали только тарань, язь, да окунь – азарту в них не убавлялось. Даже ругательства у стариков были свои, рыбные. Плохому человеку говорили, что он «пелюдь», как средненькая рыбёшка, населяющая реки от Мезени до Колымы. Глупому говорили, что он «чехонь несёт», и «чехонь на тебя хотели». При чём здесь рыба семейства карповых? и сами ругатели, скорее, не знали, но вот звучание нравилось – «чихать на тебя хотели». Блудливую женщину непременно характеризовали «щукой гулящей», и тому подобное...

Неистощимы были старики на бранные слова, но ещё больше – на сомнения в деле посола:

– Куда ты окуня суёшь в соль непотрошеного? – Учить он меня ещё будет... Да посмотри в своей книжке – до полукилограмма допускается без потрошения...

Петрович смотрит в книжку, видит, что да, допускается – и переходит на запасную линию обороны:

– Да в нем грамм семьсот... – Четыреста восемьдесят! – злится Фурман, взвешивая окуня привычной к торговле рукой. – Говорю, семьсот... – Четыреста восемьдесят... – Давай взвешивать...

Они взвешивают окуня раздора, получают какую-то совсем уж ничемушную величину: 540 грамм. Ни туда, ни сюда...

– А всё-таки больше полукилограмма! – пытается торжествовать (правда, неуверенно) Петрович.

вал небывалую новизну. Он отказался ругаться с Фурманом...

Фурман сперва думал, что это так, ненадолго, отойдёт старик... Но старик не отходил. Ему вдруг всё сделалось безразлично. Фурман вначале делал своё дело молча, ожидая возражений, словно привычной музыки, без которой и жить уже не совсем-таки получается...

Но Петрович или молча помогал напарнику, или сетовал на положение в стране, взятое в общем и целом ракурсе. Что мол, стране хана, и зачем жил – непонятно, и что внукам останется – неясно, и сердце всё время ноет – а к врачу зачем ходить? Чего врач скажет, коли он от слова «врать»?

Отказ Петровича от сорокалетнего бремени самозванно-контрольных функций огоршил Фурмана. Фурман понял, что небо начинает с овчинку казаться ему из подвального «Морское дно». Фурман начал усиленно провоцировать Петровича на диалог...

Брал разделочную рыбу, обваливая в соли, «заваливал» словно бы злонамеренно засыпать соль в жабыры. Петрович молчал. Тогда Фурман с тяжёлым стариковским сопением лез на рожон:

– Степ, а я в жабыры соли не засыпал...

– Да и хрен с ними, с жабрами! – вяло отзывался Петрович, словно его подменили. – Зачем жили – непонятно... Вот, возьми, к примеру наше детство – идеалы ведь были, верили, что лучше жить станет...

Фурман усиливал эффект. Он выбирал рыбу поувесистее, самую крупную в привозе, и прямо перед глазами Петровича НЕ ДЕЛАЛ дополнительно продольный разрез на спинке, куда положено тоже засыпать соль.

Ноль внимания, фунт презрения...

Фурман НЕ ДЕЛАЛ дополнительного надреза очень упорно и демонстративно, долгое время сидел, повернув крупную рыбку спинкой к Петровичу и не надрезая, согласно инструкции, самым циничным образом...

– Степ, а ты чё скажешь? – не выдерживал, наконец, старый потомственный лавочник. – Чё скажешь, можно такому вот жеребцу со спина надреза не делать? С пуза хватит, что ли?!

– Да делай, как знаешь! – отмахивался унылый, грустный Петрович, даже не глядя на безобразия поделника...

менно схватил бы за руку! Черным по белому написано: сверху соли больше класть положено, чем между рядами...

Но Петровичу и это было безразлично...

Фурман совсем приуныл. Он стал – сам себя пугаясь – брать на партию рыбы вместо двух килограммов соли полтора. И не то, чтобы ему эта соль поганая нужна была на вынос – ей цена-то копейка, а думал – может, хоть здесь враг старинный проснётся, встрепенётся...

– Петрович, а бочки новые – оне без дырок...

– И чего ты от меня хочешь? – поднимал Петрович усталые бесцветные, совсем потухшие и выгоревшие глаза.

– Так чё, Петрович, – лез на рожон Фурман, – может, дырок насверлить, как по технологии полагается?

– Так сойдёт... В этих новых бочках качества нет, там щели такие, что и без дырок обойдётся...

Фурман выкачивал большую новую деревянную бочку литров на 70 и специально, как опытный провокатор, говорил, что в бочке никак не больше 50 литров. Прежний Петрович не упустил бы случая покарать невежество и дуры Фурмана. Но не новый... Ему что 70 литров, что 50 – всё как-то сразу стало едино...

Вдвоём старики уминали на дно бочки толстый слой соли крупного помола, пяток рыбин покрупнее, полпотнее друг к другу, снова сыпали соль, снова клали рядок рыб, и так – доверху. И доверху Петрович молчал, словно ему и дела нет до маленьких хитростей вёртого торговца Фурмана. Это было нестерпимо, невыносимо обидно!

Закрывая бочку с посолом крышкой, Фурман специально, совсем уж вызывающе, положил сверху вместо голышей-булыг штук двадцать белых силикатных кирпичей! «Ну, в какие это ворота?» – спросил он уже сам себя голосом Петровича. – Как можно?! Силикатный кирпич вместо булыги, даже не красный, хотя и красный – безобразие...»

А Петрович всё чаще лежал на грубо сколоченном топчане за старым прилавком магазинчика, ожидая, видимо, последнего ревизора, с косой...

И Фурман в один из дней понял, что остаётся один во Вселенной. Каким бы глупым, вздорным, узколобым, бездарным человеком ни был твой напарник, но если просидел с ним полвека вместе в подвале – понимаешь, что ничего другого в мире-то больше и не имеет... Вот этот вот поверхностный абалдуй Степа Кочегаров – это и есть содержание Вселенской бесконечности...

– Надо класть хвостом повыше, чтобы горечь в голову уходила! – пояснял Фурман покупателям.

Но покупатели – слишком эфемерны, чтобы заполнить Космос. Они вроде бы как есть – и деньги платят, и ответить могут, – а вроде их и нет. Это какое-то явление пунктирного бытия – появился покупатель, принял к сведению, что горечь у рыбы должна утекать из хвоста в голову, – кивнул и пропал.

А зачем тогда слушал, раз пропал? Зачем кивал? Поддакивал, словно безвольная тряпка? Чобы вот так раствориться в дверном проёме – то ли до следующих выходных, а то ли вообще навсегда? Нет, покупателями душа сыта не будет... А Петровичу всё похрену стало... «Видно, и впрямь помирить пора», – думает Фурман, наивно потерявший смысл жизни и тонус держаться бодрым. Ухо больше не остро – опасаться-то атаки внезапной незачем...

«И ведь моложе меня на семь лет, подлец! – ругался про себя Фурман, поглядывая на Петровича искоса. – А ведь чего удумал... На тот свет вперёд старшего товарища удрать...»

Как-то раз один из занудных покупателей стал расспрашивать Фурмана – правильно ли он на даче солил рыбу.

– Я, как вы мне советовали, на дно тряпки положил, потом соль... Тряпки выкинуть потом – или можно снова использовать?

– Я не знаю... – отмахнулся усталый и горький Фурман, думая о своём и совершенно не разбираясь в смысле вопроса.

Но тут – о чудо! – с топчана за прилавком поднялась кудлатая седая голова, блеснувшая

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

То, о чем так долго говорили наши политики и политологи, говорили, говорили, говорили, на то и напоролось. Иными словами, предлагаю вам, дорогие мои, национальную идею. Новую национальную идею.

Но, не сразу, не сразу... Начну с вопросов. Кто всех крошит, кто всех мочит? Ладно, спросу конкретнее. Кто считает себя мировым жандармом? Точнее не считает, а является им? Кто решает судьбу правителей, отдельных личностей, народов и стран? Кто решает, что хорошо, а что плохо в этом мире? Какая страна претендует на мировое господство?

Вы правильно указываете на США. Правильно киваете на них. А многим ли в мире это не нравится?

Валерий
БОХОВ

Национальная идея

Рассказы

Есть предложение. На Руси в сказах родилось выражение «одним махом семерых побивахом». Вот и у меня предложение – сразу по двум займам лупануть.

Национальная идея такая – поглотить Америку! Всю и целиком!

Чего там – Аляску присоединить. Это мелочь. Снега у нас и своего больше нефти! Пользовались, ну и хватит, возвращайте! Поглотить всю Америку, что – да. С её дорогами, прямыми, как аршин, которым нас не измерить. С её Голливудом. Михалков Никита Сергеевич не должен сильно и надолго расстроиться, он отходчивый! Послать туда наших поп-звезд, отдохнуть тут от них хоть немного.

Проведём небольшое сравнение. Число штатов – 48, у нас регионов – 82. Это мы ещё Крым и Севастополь не плюсовали... Глядя на эти цифры ответьте, кто кого должен поглотить? Посмотрите на территории и сопоставьте их.

А потом и мы привыкли к баксам! Без баксов уже никуда! Они, считай, уже наши.

Экономики несопоставимы? Ну, да. А когда нам было наращивать её? Война за войной... Потери... Разруха... Обложили... как волки кошку.

Наши корни, если разобраться, а наши люди могут разобраться, а половины белых янки. Чёрных не учитываем. Для упрощения расчётов.

Мы были уже вместе – в 1940-ые, во 2-ую Мировую, да и раньше – в 1860-ые (время Гражданской войны в США и Польского восстания в Европе). Общим врагом во втором случае была хитренькая теперешняя родина Абрамовича и ещё нескольких наших олигархов.

Возьмите наших программистов. Вся Силиконовая долина забита ими, просто-таки кишит ими. На дрожжах этих романтиков только и могли взойти гении Билла Гейтса и Стива Джобса.

Вернёмся к географии. Возьмём такой аспект: когда-то был соединяющий нас перешеек! Но мосты построить не проблема – сейчас как раз эпоха наведения настала. В Крым проведём, тогда по типу крыла и с восточной стороны наведём.

Ну, с национальной идеей все ясно! Теперь национальный символ. Типа мухинских Рабочего фабрик и заводов да Работницы полей и ферм. Ну, тут тоже яснее ясного. На роль её Аня Семенович подойдёт, это ясно, это однозначно! А с мужиками, тут есть кандидатуры – Иван Андреевич Ургант и Николай Сергеевич Валуге. Один – интеллект, который ихний контракт заговорит, запутаёт, рассмешит, а уже тот все разрешит. И даже больше – в придачу к США Антарктику с их станциями и Луну со своими владениями. Другой – сила, мощь и лбина с двумя математическими шишками. А может, обоих и оставить, поддерживающими на весу Анну? Вот такие симпатичные лица будут у нашего национального символа.

А поставить этот символ вполне можно на месте статуи Свободы. Но это только, если референдум их так решит.

Понятно, что политические пути – это одно, но их нужно подкрепить и военными шагами. В армии вводится контрактная служба. Текст каждого контракта надо дополнить тремя словами: «До полного поглощения». Все! А для самих военных, чтобы была цель и решимость, необходим стимул. Кому Harley-Davidson, кому Hammer, другим возможность купаться в океане и великопленные пляжи...

Военные, безусловно, попрут и будут ломиться. Их не удержат. Но все же заградительный отряд из Жириновского и Джигурды нужен.

КОЛОКОЛЬНЯ

Почки деревьев набухли настолько, что казалось вот-вот лопнут и брызнут зелеными свежими листочками... Но весна была будто заморожена. Было холодно. Было холодно в апреле сорок второго года.

В маршевой колонне объявлено построение. Тут и там раздавались команды:

– Становись.
– Раненых – на телеги.
– Полевую кухню – в середину колонны.
Но вот послышалось что-то иное:
– Лейтенант Канукова и рядовой Цховребова – к капитану.

Капитан Моисеев сидел за столом, врытым в землю в фруктовый сад, и разглядывал карту-двухкилометровку. Он прервал доклад подошедших к нему Канукова и Цховребова:

– Вижу, вижу. Вы вот что скажите. Дополните-льный паёк вам выдали?

– Так точно. Выдали.

– Усиленный боекомплект, гранаты получили?

– Получили.

– У меня к вам, ребята, вот какой разговор. Вы сейчас тот кулак, та ударная группа, что может задержать гитлеровцев. Положение нашей колонны тяжёлое. Нам ещё долго идти до предназначенного укрепайрона, а на пятки нам сели вражеские мотоциклисты. Тридцать штук, примерно. Это разведка танковой части. Очень надеюсь, что вы вдвоём поможете вашим товарищам, вашим друзьям, оторваться от преследователей. Снайперская винтовка и пулемёт – это сильная боевая единица. Вон колокольня на окраине села – отличное место для вашей огневой точки. А приказ мой такой. Даже не приказ, просьба. Задержите тут фашистов на полтора-два часа, тогда колонна наша сможет оторваться...

– Мы задержим их, товарищ капитан.
– А коли так, и сможете вырваться, то держитесь направления Дубки, Выселки, Михайловка... Там сможете нас найти. Счастливо, ребята. Очень на вас надеюсь, бойцы. И товарищи ваши тоже надеются на вас.

Высокая трёхъярусная колокольня стояла на краю села рядом с разрушенной церковью. К колокольне с трёх сторон примыкал погост. Пулемётчик и снайпер споро поднялись на самый верх колокольни, туда, где располагалась звонница. Ярус был доступен всем ветрам и потому наверху было холодно.

– Думаю, что скоро будет жарко. Фрицы пойдут – шинели снять не успеем.

С этими словами они улеглись на деревянный пол, разложив снятые шинели и вещмешки, и стали всматриваться в сторону леса. Именно оттуда должны были появиться вражеские мотоциклисты.

Шарканье ног и скрип колёс маршевой колонны вскоре затихли.

– Слышь, Борис, даже птицы не поют сегодня. Чего-то ожидают?

– Похоже... Зловещая тишина.

В устоявшейся тишине вдруг ясно стали слышны скрип деревянной лестницы и неспешные шаги.

– Кто-то к нам идёт, – сказал лейтенант и стал всматриваться вниз, в проём, проходящий через всю колокольню. – Какой-то местный... Как он подошёл к колокольне незамеченный, Алик? Через кладбище?

– Видимо, – Алик был немногословен.

Человек поднимался долго, с продолжительными остановками. Поднявшись, он всё не мог отдышаться. Наладив дыхание, он первым сказал:

– Ребятаки, вы чего здесь?
Борис Кануков и Алик Цховребов, вставшие при появлении пожилого человека, отвечали:

– У нас, дед, задание – встретить здесь немцев. И не дать им догнать наших. А вы кто?

– Я звонарь местный, пономарь.

– А звать вас как?

– Митричем кличут. Звонарь я.

– А для чего подыались сюда, службы ведь сегодня нет? Вы бы лучше дедушка шли отсюда. Тут стрельба будет.

– Внизу мне нечего делать. Немец придёт, прятаться от него? Не по мне это. Потом привы я проверить, как тут? Всё ли в порядке? По звону ведь люди и часы сверяют. Не всегда я призываю верующих к молитве, не каждый день.

– Дед! Раз не уходите, то давайте вместе перекусим – хлеб и тушёнка у нас?

– Вы ешьте, ребятаки. Я не хочу. Откуда басурман явиться должен, со стороны Авдеевки?

– Ну, да. Вон из-за лесочка. А скажите... – Борис заинтересованно посмотрел на старика, – какие звонны бывают? И какие эти колокола?

– Тут, милоч, звонница, как видишь, из трёх колоколов: благовест; подзвонный и трельный колокол. Чобы звонить, темп и ритм надо просчитывать и музыкальный слух иметь. Иначе не выйдет ничего. Полный устав предусматривает: пять звонов ко всенощным бдениям; три звона на литургию; а ещё перезвоны и трезвоны на праздники. Звоны разные бывают: бодрящие; торжественные и радостные; есть и печальные, постные. Но всякий звон, знаете, зовёт к Богу. Вон они, нехристи, показались.

Изда-за леса на повороте дороги показались мотоциклисты. Все мотоциклы были с колясками и в некоторых колясках установлены пулемёты.

– Так. Я начинаю снимать офицеров, – лейтенант Кануков прильнул к прицелу. – А ты, Алик подпусти их поближе. Дедушка, всё же тебе лучше уйти.

– Нет, ребята. Не уйду. Я может вам ещё пригожусь!

Меткими выстрелами офицеры, а их легко можно было отличить по фуражкам с высокой тульей, выводились из строя. Вскоре застрочил пулемёт Цховребова Алика.

Немцы замешкались, сбились в кучу. А затем усердно стали стрелять по колокольне.

Так бой и шёл. Снайпер меткими выстрелами убивал врагов, пулемётчик мастерски выкашивал фашистов. Сколько ни стреляли гитлеровцы по засевшим на колокольне бойцам, вреда их выстрелы не наносили. Лишь каменная крошка и штукатурка пылью покрывали весь ярус и людей, засевших там.

– Ещё немного и мы всех их перебьём...

Можно было видеть, как немецкие разведчики по рации пытались связаться со своим тылом...

Первый же залп дальней артиллерии попал в колокольню. Была разбита звонница, а многочисленными осколками были посечены трое пребывавших там.

От вражеской группы в семьдесят два разведчика в живых осталось семеро. Два из них поднялись по разбитой лестнице на верхний ярус колокольни. Увидев вблизи своих противников: двоих военных с пулемётом и со снайперским ружьём и одного штатского без оружия, рассерпев, они скинули их тела вниз, на пыльную дорогу.

Когда село освободили и местные жители, прятывшиеся в лесах, вернулись, они похорошили двоих героев и звонаря в одной могиле. На примитивном фанерном памятнике написали «Овсянников Матвей Дмитриевич и два красноармейца». Ни документов, ни жетонов у бойцов обнаружено не было.

Украшали могилу две каски и матерчатая кепка.

На окружающих могилках цветы росли блеклые и редкие, а на могиле троих погибших буйно росли красные маки. Маки пылали и были такими яркими, что невозможно было оторвать от них глаз.